

*С большой любовью к Джону и Тэмми,
которые всегда приходят мне на помощь.*

Пролог

Женщина неслась по темному переулку, пытаясь побороть озноб, звук ее шагов разносился глухим эхом по брусчатке. Ее лицо скривилось в гримасе — она предпочла бы, чтобы о ее приближении ничего не возвещало. Но это было неизбежно. «Туда и обратно», — напоминала она себе. Руками она держала воротник практичного шерстяного пальто, стискивая его у шеи в бесплодной попытке защититься от ночного воздуха. Из-за грязно-коричневого тумана, который прибыл с Темзы, стояла неприятная сырость.

Дай бог, хозяйка не заметит ее недолгое отсутствие. Скоро она вернется в квартиру сестры невредимой, устроится на топчане с грелкой у ног, которая обеспечит ей тепло на остаток ночи.

Приблизившись ко входу для прислуги с задней стороны особняка на Гросвенор-сквер, она вытащила тяжелый железный ключ из своей сумочки. От соседних конюшен по всему переулку разносился сап, храп и шарканье лошадей. Где-то вдалеке одинокий голос ночного стража прошептал: «Одиннадцать часов... и все спокойно».

Она прищурилась — в дьявольской темноте без факела или фонаря путь было не разглядеть, вставила ключ в замок. Ей пришлось сдержать удивленный возглас, когда дверь сразу же со скрипом отворилась на пару сантиметров. Она готова была поклясться, что дверь закрыва-

ли перед уходом. Она торжественно пообещала себе, что хозяйка никогда не узнает и об этих никудышных мерах безопасности *в том числе*.

Сердце бешено колотилось, когда она в спешке проскользнула в холл и закрыла за собой дверь. На всякий случай придвинула еще и широкий засов. Только тогда беспокойство немного рассеялось. Несмотря на то что в холле было так же темно, как и в переулке, она больше не переживала. Здесь ей был знаком каждый сантиметр, не нужно было даже зажигать сальные свечи, которые хранились в комодe из красного дерева рядом со стеной.

Она быстро направилась к коридору, утопающему в тенях. Только когда дошла до вестибюля, хорошо освещенного большим количеством свечей, мерцающих на двухъярусной хрустальной люстре, она остановилась. Свет, развеивающий мрак, должен был успокаивать ее, но она чувствовала себя незащищенной.

«Если бы моя хозяйка видела меня...»

Ее сердце, спокойное с тех пор, как она вошла в особняк, снова начало больно биться в груди.

«Туда и обратно».

Из осторожности она замедлила шаги, спускаясь по лестнице на нижний этаж. Там остановилась и задержала дыхание, напрягшись, чтобы расслышать любой, даже самый глухой звук. *Тишина*. Они, скорее всего, уже в спальне, решила она. Ей всего лишь нужно было все сделать побыстрее. Выдохнув, она подняла свои юбки и поспешила вверх по лестнице, больше не опасаясь создать шум — толстый тканый ковер на ступеньках заглушит ее шаги.

Она снова остановилась в нерешительности, когда достигла верхней ступеньки. Как лесное животное, чувствующее опасность, она бросила взгляд в сторону гостиной. Дверь была открыта, позволяя желтому свету разрывать завесу теней в холле.

Она развернулась в противоположном направлении, в сторону узкого лестничного пролета, который должен привести ее к крылу для слуг на третьем этаже.

«Туда и обратно».

Она не смогла бы объяснить, почему так и не закончила свое дело, почему свет из гостиной, казалось, манил ее. Долю секунды она колебалась, бросая взгляд то в сторону лестницы для прислуги, то в сторону гостиной. Если хозяйка поймает ее за этим, ее сразу же уволят без рекомендаций, это ясно. Вопреки здравому смыслу, она подхватила свои юбки и прокралась по коридору к дверному проему.

Мысленно ругая себя за глупость, она задержала дыхание и продвинулась вперед. Сердце тяжело стучало. *«Одним глазком...»*

В следующую секунду воздух со свистом покинул ее легкие. Она отшатнулась, каблуком наступила на юбку. Она падала — а из груди рвался крик.

Сэм Келли не считал себя особенно суеверным. Однако, когда он сидел в «Поросенке и Парусе», излюбленной таверне сыщиков с Боу-стрит, — из-за близости к мировому суду, а не качества виски, — его затылок покалывало от призрачного ощущения нависшей опасности.

Лондон всегда был жестоким городом, но с тех пор как Англия победила в войне с Бони¹, наконец сослав маленького тирана на Святую Елену, напряженность постепенно возростала. Сэм предпочел бы увидеть Наполеона повешенным или посмотрел бы на его голову, катящуюся с гильотины, — это произошло со многими французскими аристократами в период их кровавой революции двадцатилетней давности. Не было ничего справедливого в том, что этого подонка отправили провести остаток дней на тропическом острове, пока честные британцы тряслись от холода последних сентябрьских дней.

Англия должна была ликовать. Но возвращалось слишком много солдат, а нехватка работы довела всю страну до предела терпения. Недавние хлебные законы² не смогли спасти ситуацию, лишь способствуя взлету цен, де-

¹ Boney (англ.) — прозвище Наполеона Бонапарта, придуманное британцами (здесь и далее прим. пер.).

² «Хлебные законы» — законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами (прим. ред.).

лая продукты недоступными для простого трудящегося народа.

Сэм мрачно уставился в стакан с горячим виски, зажатым в его руках, наслаждаясь теплом, которое проникало в кончики пальцев, и не обращая внимания на смех и разговоры столпившихся в прокуренной комнате людей. Времена меняются, подумал он. Каждый день, казалось, появлялись новые машины, способные заменить работу десятерых людей. Он не поддерживал луддитов¹ — эту горстку мерзавцев, если угодно его мнению, которые разносили в щепки новые ткацкие станки и машины, сжигали заводы и вызывали всеобщий хаос. Но он разделял их чувства, разочарование и страх от того, что эти машины отбирали возможность зарабатывать на кусок хлеба.

Он читал о том, что некоторые ремесленники, особенно невезучие, были вынуждены отправиться в рабочий дом. Другими словами, в долговую тюрьму. Как ему было известно, Лондон представлял собой пороховую бочку, которая ждала лишь малую искру, чтобы взорваться. К чему это приведет? Как люди выживут под натиском машин?

— Хей, начальник! Вы Сэм Келли?

Сэм поднял взгляд на маленького оборванца, который возник рядом с его столом. Он подумал, что паренек ему кого-то напоминает, но не был уверен. Город кишел грязнолицыми оборванцами.

— А кто спрашивает?

— Уильям Дрейк послал меня за вами. Хочет вас видеть.

Сэм поднял брови.

— Уилл Дрейк?

— Ну да. Ночной страж.

¹ Противников механизации и автоматизации (*прим. пер.*).

— Я знаю, кто он. Что ему нужно?

— Вы же охотник на воров Сэм Келли?

— Я сыщик с Боу-стрит Сэм Келли, — холодно поправил его Сэм, ему никогда не нравилось это старомодное прозвище. Уничжительное, оно источало дух коррупции с тех времен, когда парочка бессовестных сыщиков была поймана на сотрудничестве с преступным миром — помогали ворами грабить аристократов, а потом возвращали украденное и получали за это награду.

Парень придвинулся поближе, почти что украдкой, хотя никто на них не обращал особенного внимания.

— Мистер Дрейк просил отвести вас к нему, если вы не против, сэр, — произнес он. — Видите ли... тут убийство. Леди. Просто ужасное.

— Вы видели тело?

— Не. Меня отослали. Но я слышал, как внутри рыдала девушка. Она болтала о чем-то страшном.

— Хорошо.

Сэм резко опрокинул свой напиток, он не хотел оставлять виски, даже если это виски из «Поросенка и Паруса». Он поднялся, не обращая внимания на острую боль в коленях. Натянув пальто, он схватил свою дубинку сыщика с золотым наконечником со стола, покрытого царапинами. И указал ей в сторону двери.

— Пошли.



Леди убили на Гросвенор-сквер, что, в общем-то, было не таким уж и плохим местом, чтобы склеить лапы, подумал Сэм. Это был один из самых модных районов Лондона с рядами элегантных трех-, четырех-, а иногда и пятиэтажных домов; сами здания и подступы к ним были отделаны известняком и песчаником.

Не то чтобы в этот момент он мог по достоинству оценить архитектуру или огромный парк по другую сторону от этой широкой улицы. Была уже почти полночь, из-за тьмы и густого, как овсяная каша, тумана было практически невозможно видеть что-либо дальше десяти шагов перед собой. В то время как в остальной части города прямо-таки помешались на газовом освещении, жители Гросвенор-сквер придерживались традиции использовать масляные лампы, которые, согласно закону, должны были вывешиваться ночью перед каждым домом, иначе владельцам грозил серьезный штраф.

Хотя Сэм и сопротивлялся внутренне некоторым изменениям, происходящим сейчас по всей стране, он не мог не признать, что газовое освещение на этой улице было бы весьма кстати. По крайней мере, он смог бы хорошенько осмотреть окрестности, думал он, покидая вместе с пареньком экипаж, который он нанял, чтобы отвезти их по адресу. Он извлек монетку и кинул ее извозчику. Беспросветный мрак за пределами слабого желтого свечения от масляных ламп навеивал навязчивое чувство, что за тобой наблюдают, — распространенное явление в Лондоне. Сэм в уме прикидывал, сколько преступников могло скрываться в этих тенях.

Он поспешил к одному из таунхаусов, перед которым висела масляная лампа и одновременно из большинства окон разливался свет. Окна в соседних домах были либо закрыты ставнями, либо полностью темными, их жители уже спали или все еще где-то проводили вечер. Казалось, будто элегантные соседние здания не одобряли неподобающие события в доме номер 8.

Эта причудливая мысль пришла в голову Сэма, когда он приблизился к двум мужчинам, курящим перед приоткрытой дверью. Он узнал в них членов ночной стражи Генри Грили и Джека Нортон.

— Добрый вечер, — кивнул он в их сторону.

— Ничего доброго в этом вечере, — проворчал Джек и отодвинулся, чтобы Сэм прошел в таунхаус. — Дьявол точно вышел на прогулку и натворил беды.

Сэм чуть было не фыркнул в ответ.

— Эй, а ты куда собрался?

Сэм посмотрел через плечо и увидел, что Генри схватил его молодого спутника за шкурку, препятствуя его проникновению в таунхаус.

Парень принялся извиваться, он гневно уставился на ночного стража.

— Я же привез сыщика? Хочу теперь плату, обещанную мистером Дрейком!

— Сколько мистер Дрейк тебе пообещал? — спросил Джек, шаря в своих карманах.

Лукавый блеск возник в глазах ребенка.

— Гинею.

Джек хмыкнул.

— Ты меня совсем тупоголовым считаешь? Либо скажешь правду, либо уйдешь ни с чем!

— Соверен.

— А я король Англии тогда. Еще одна попытка!

Ухмыльнувшись наглости парня, Сэм оставил двух стражей разбираться с озорником. Он шагал по длинному узкому холлу в сторону лестницы, его взгляд обводил черно-белую мраморную плитку и высокий потолок с декоративным молдингом из белого гипса. По центру висела люстра, дюжина ее свечей почти расплавилась и превратилась в короткие огрызки, а пламя от них прерывисто мерцало.

Наверху другой страж был размещен перед открытой дверью, его внимание было приковано к тому, что происходило в комнате. Когда Сэм подошел, стражник уставился на него. Не говоря ни слова, Сэм провел своей дубинкой перед носом молодого человека и прошел в комнату.

Сначала он почувствовал запах: вонь сырого мяса, которая говорила о недавней смерти.

Внутри было полдюжины мужчин. Сэм сразу же заметил Уильяма Дрейка. Не только потому, что он знал его уже почти двадцать лет. Но еще и потому, что он благодаря своему росту в 190 сантиметров возвышался над всеми остальными присутствовавшими.

— Дрейк, — поприветствовал его Сэм.

Ночной страж огляделся кругом.

— А, Келли. Не был уверен, что паренек найдет тебя. Сказал ему поискать в «Буром медведе» или «Поросенке и Парусе». Чертовски жестокое дело.

— Ну, таковы почти все убийства, — заметил Сэм, его внимание было уже приковано к жертве.

Она сидела на диване в греческом стиле, его плавные линии и извивающиеся ножки пользовались популярностью среди аристократов. Бархатная обивка была нежно-голубого цвета, как яйца дрозда, почти что сливающегося с цветом легкого шелкового платья с органзой. Грудь, обнаженная низким квадратным вырезом, выглядела так, будто была вся в татуировках: темные болезненные раны испещрили бледную кожу. Лиф был также разорван ножом, кровь жертвы запятнала изящный материал.

Аккуратно изогнутые белые руки, обнаженные благодаря маленьким коротким рукавам, бессильно свисали по обе стороны тела, маленькие ручки покоились на диванных подушках ладонями вверх, будто жертва молила убийцу о пощаде. Нежная плоть была усеяна порезами и здесь. Она либо пыталась бороться, либо поднимала руки в тщетной попытке защититься.

Вероятно, боролась, решил Келли, скользнув взглядом по золотистым светлым волосам, которые спадали на ее плечи в диком беспорядке, шпильки еле держались на светлых прядях. Ее голова была откинута назад на диванные подушки, длинная шея изогнулась, как у лебедя. Невидящие глаза уставились в потолок. Они были открыты и остекленели после смерти.

От тошноты лицо Сэма напряглось, пока он изучал лицо жертвы. Как будто этому монстру было недостаточно заколоть девушку до смерти, он нанес ей ранения и здесь. На правой стороне лица было два шрама, один — короткий и слабый, не больше полутора сантиметров. В общем-то, царапина. Другой был немного глубже и длиннее, простираясь от правого уголка глаза до рта.

Левая часть лица, однако, выглядела намного более ужасающей. Этот изверг порезал... хотя нет, это подразумевает некую искусность. Этот изверг раскромсал кожу, разделив ее рваным образом так, что она впала в районе челюсти, выставляя напоказ кровавое мясо, кость и даже пару зубов.

В памяти Сэма сразу же возникла Кендра Донован, девушка, с которой он месяц назад расследовал серию страшных убийств в замке Элдридж. Эта американка была для него загадкой, как с точки зрения своего поведения, так и из-за ее своеобразного опыта в криминалистике. Что бы она сейчас сказала?

— Я послал за врачом, но эту леди, по всей видимости, закололи, — сказал Уильям, прервав мысли Сэма. — Кажется, раз двенадцать по меньшей мере. Я очень сильно надеюсь, что она была уже мертва, когда он сделал это с ее лицом.

— Что за врач? — спросил Сэм.

— Доктор Манро. Он лучший.

— Ну да. Это так. — Сэм отвел свой взгляд от ужасающего лица женщины. Его глаза сразу же привлек огромный портрет над камином.

— Она была бриллиантом чистой воды, — сказал Уильям, проследив за его взглядом.

Девушка и правда была красавицей. Художник изобразил ее затейливо: сидящей на качелях в окружении зеленой листвы. Ее овальное лицо было нежно-бежевого оттенка, его обрамляли волны золотистых волос. Глаза невероятного фиалкового оттенка смотрели на них в упор. Рот, похожий на бутон розы, скривился в маленькой провокационной ух-

мылке. Соблазнительница, подумал Сэм. Ева из Эдемского сада. Он не знал, была ли это задумка автора изобразить ее именно так или же он сам выдумал эту параллель.

Он заставил себя оторваться от портрета и оглядеть комнату. Декор был слишком женственным, на его вкус, много позолоты, изысканных молдингов и мягких пастельных оттенков. Тканый ковер был голубого, фиолетового и золотистого цветов. Остальная часть мебели соответствовала в своем греческом стиле дивану. В углу стоял небольшой письменный стол, пристенный столик с декантерами и стаканами и фортепьяно с лаковым покрытием перед венецианскими окнами.

— Что это? — спросил он, подойдя к одному из стульев. На нем лежали три вещи: веер с ручкой из слоновой кости золотистого и светло-голубого цвета, его спицы были сломаны и погнуты; изысканный гребень для волос, сверкающий рубинами и лунными камнями; и тяжелый бокал с фигурной ножкой.

— Мы нашли это под диваном, — сказал Уильям, подойдя сзади. — Скорее всего, это упало во время нападения и оказалось под ногами.

Сэм взял бокал в руки и обнюхал его. Виски. Нахмурившись, он еще раз обвел комнату взглядом. Как и в холле, восковые свечи на люстре и канделябрах здесь почти сгорели. Бревно в резном мраморном камине превратилось в горстку отчаянно тлеющих угольков. Но он мог себе представить, как все выглядело часами ранее: комната купалась в сиянии камина и свечей, а леди сидела лицом к лицу с убийцей.

Специально для него она оделась в платье с глубоким вырезом, сделала прическу этим гребнем. Веер был инструментом соблазнения, и Сэм мог нарисовать в своем воображении, как женщина с картины мастерски его использует. Держала ли она этот стакан, наполненный виски? Сомнительно. Это не напиток для леди. Приготовила ли она тогда его для убийцы?

— Она, должно быть, сама пригласила этого подонка. Как звали бедняжку? — спросил Сэм.

— Леди Довер, леди Корделия Довер.

— Черт побери! — Сэм широко раскрыл глаза.

— Вы знали ее?

Сэм не сразу ответил.

— Нет, — произнес он наконец. — Я никогда не имел с ней дела. Но она была в гостях на вечеринке герцога Элдриджского месяц назад.

— Слышал, вы проводили расследование для его светлости. — Уильям бросил на Сэма неоднозначный взгляд. — Слышал и про рассказы о монстре, душащем шлюх.

— В этом есть правда, — заметил Сэм. Конечно, в этой истории было много и других фактов. Но никакими из них он не мог поделиться с ночным стражем.

— Так вы его поймали?

— Да, — коротко ответил Сэм. Кендра Донован вообще-то поймала и убила этого подонка, но Сэм обещал герцогу хранить в тайне правду об ее участии в расследовании, а также и личность настоящего убийцы. Он был мертв. Возмездие свершилось.

Нахмурившись, он взглянул на тело леди Довер и мысленно поклялся получить возмездие и для нее.

— Кто обнаружил тело и во сколько? — спросил он.

— Экономка миссис Пирсон. Она вернулась час назад. Когда увидела тело, выбежала из дома с криками о помощи.

— Полагаю, вам повезло сегодня дежурить.

— Джек Нортон патрулировал эту территорию, — сказал Уильям, — но он позвал меня.

— Где остальные слуги?

— Леди Довер отпустила всех до завтрашнего утра. Миссис Пирсон вернулась только потому, что забыла свое лекарство. Думала, что сможет тихонько прокрасться, так как задняя дверь была открыта. Но нашла свою хозяйку в таком состоянии.

— Задняя дверь была открыта? Взломщики так не работают. — Взгляд Сэма снова метнулся в сторону изуродованного лица.

— Да, — согласился Уильям.

Сэм думал, что знал ответ на свой следующий вопрос, но все равно задал его:

— Почему леди Довер отослала всех своих слуг?

— Она ожидала кого-то и хотела, чтобы их встреча прошла в атмосфере уединенности.

Сэм кивнул. Этого он и ожидал. Комната была наполнена предвкушением романтической встречи.

— Как его имя? Слуги должны же знать.

— Ну да.

Сэм почувствовал определенную нервозность в голосе своего собеседника.

— Ну и? Кто он?

— Вам лучше поговорить с миссис Пирсон.

Сэм нахмурился. «Что за чертовщина?» — подумал он.

Уильям жестом указал Сэму следовать за ним. Они не проронили ни слова, пока спускались два пролета по лестнице в кухню. Ночной сторож стоял внутри и с облегчением вздохнул, когда они вошли. Сэм подозревал, что это как-то связано с женщиной, сидевшей за круглым деревянным столом и неустанно рыдающей. На ней все еще было то самое шерстяное пальто и простая шапочка, которая частично скрывала лицо. Оставшаяся часть была не видна под носовым платком, в который она плакала.

— Я принес миссис Пирсон чашку чая, как вы и просили, начальник, но она к ней не притронулась, — сообщил им молодой человек.

Уильям кивнул, продвинулся вперед и положил руку на плечо женщины. Она немного вздрогнула и взглянула на него своими водянисто-голубыми глазами. Сэм решил, что ей было около тридцати пяти лет. Она, должно быть, даже

была привлекательна, если бы ее лицо не было красным и опухшим от приступа плача.

Уильям мягко произнес:

— Миссис Пирсон... это сыщик с Боу-стрит, он задаст вам несколько вопросов.

Глаза, утопающие в слезах, посмотрели в направлении Сэма.

— О, это было ужасно, сэр! Я никогда не видела ничего... ничего подобного! Ее лицо... — Женщина содрогнулась. — Леди Довер была такой красивой. Зачем он сделал *это*?

— Ваша хозяйка встречалась сегодня вечером с мужчиной. — Сэм решил перейти сразу к делу. — Вы знаете его имя?

— О да. — Миссис Пирсон высморкалась. — Он убил ее. Он убил ее и... и жестоко разрезал ее лицо, это он. Он убийца, но его никогда не повесят. Он из высшего общества. К ним другое отношение, нежели к нам. — Она с укором посмотрела на Сэма, как будто бы это он виновен в классовой системе Англии. — Вам же *известно*.

Сэм незаметно взглянул на Уильяма, теперь он понимал его странное поведение. Этот монстр, ответственный за мерзкое преступление, был джентльменом. Он снова вспомнил расследование, в котором участвовал месяц назад в замке Эддридж. Те преступления тоже совершил джентльмен. Что, все аристократы Англии походили с ума?

— Джентльмен или нет, его повесят, — сурово пообещал Сэм, встретившись взглядом с экономкой. — Но для начала вам нужно произнести его имя. Кого сегодня вечером ожидала ваша хозяйка, миссис Пирсон? Кто тот монстр, который сделал с ней такое?

Она с сомнением посмотрела на него, но что бы она ни увидела в глазах Сэма, это заставило ее решительно подать вперед подбородок и произнести шепотом:

— Он маркиз, племянник герцога. Маркиз Сатклифф. Это он убийца.

— Полагаю, у меня есть разрешение твоей дилеммы, дорогая.

Кендра Донован сидела в кабинете герцога Эддриджского. Солнечный свет в это раннее утро косыми лучами проникал в комнату через окна, причиняя боль ее глазам, в которых будто был песок от недосыпа. Ей казалось, что недостаток сна повлиял и на его слух.

— Вы поняли, как я могу попасть домой? — спросила она недоверчиво.

Эддридж нахмурился. Герцогу было около пятидесяти пяти лет, у него было вытянутое лицо и довольно большой нос. Его бледные серо-голубые глаза смотрели на мир таким добрым взглядом, какой Кендре редко доводилось видеть за всю свою жизнь. Однако она знала, что доброту нельзя путать со слабостью. По-своему Альберт Рутерфорд, седьмой герцог Эддриджский, был одним из самых сильных мужчин, которых Кендра встречала.

Он признался:

— Нет...

Кендра не была удивлена. Герцог был умнейшим человеком, но она всерьез сомневалась, что он нашел решение ее проблемы. В конце концов, вся загвоздка была в том, что она застряла здесь, в замке Эддридж, в начале девятнадцатого века.

Что не было бы, черт возьми, никакой проблемой, родись я в этом дурацком девятнадцатом веке. Или, точнее, если бы в свои двадцать шесть лет она не застряла в первой половине девятнадцатого века — а сейчас стоял 1815 год. Но так как она родилась парой веков спустя... что ж, сложно себе представить более неразрешимую дилемму.

Кендра перевела свой взгляд на древний гобелен, украшавший стену за столом герцога. Тяжелый материал скрывал секретную панель, за которой находилась лестница,

ведущая в комнату, которую Эддридж использовал как лабораторию. За долгую и кровавую историю замка этот проход использовался жителями крепости для бегства от религиозного преследования и армии врагов. Месяц назад она воспользовалась этой лестницей, пытаясь спастись от какого-то наемника в двадцать первом веке. Она не знала в точности, что произошло потом, кроме того, что физически это был для нее настоящий кошмар. Позже она смогла предположить, что прошла через что-то вроде воронки или закрытой временной петли, которая перенесла Кендру из ее собственной эпохи в эту.

Звучит бредово?

Конечно, так она изначально и думала: что сошла с ума. Даже сейчас ей приходится бороться с дрожью от мысли, что она пошатнулась рассудком.

Ей было не просто признать правду, но в конце концов она смирилась со своим странным положением. Смирилась, но не приспособилась. Она чувствовала, что здесь ей не место. Единственная ее надежда на возвращение в свою временную прямую состояла в том, чтобы проникнуть в проход во время следующего полнолуния — спустя ровно месяц, как она вошла в ту дверь и оказалась в начале девятнадцатого века. Она хотела верить в то, что существует связь между полнолунием и его силой притяжения на так называемую кротовую нору, связь, схожая с влиянием, которое луна оказывает на приливы и отливы. Она верила, что водоворот снова увлечет ее.

Это было долгое ожидание. Но она должна была принять то, что судьба, вселенная или бог послали ей.

Итак, прошлой ночью она попыталась.

Она прошла спиральную лестницу до середины и села ждать. Она ждала, что неестественная тьма обнимет ее, как мокрая шерсть, что температура резко упадет и ее одолеет тошнотворное головокружение. Она мысленно готовилась к этому, и еще к боли, мучительной, невообразимой, как

будто бы ее растворяют в бочке с кислотой, которая потом превращается в бесконечную трубу и выкидывает ее в другом месте.

Она ждала. И ждала. И...

Ничего.

Никакого водоворота. Никакой кротовой норы. Никаких паранормальных явлений. Она сидела на холодных каменных ступеньках, пока ее задница совсем не замерзла и не онемела. Она сидела там несколько часов, пока герцог наконец не пришел и не затащил ее силой в кабинет. Он осторожно усадил ее на диван и протиснул в ее руки стакан бренди. Его серо-голубые глаза излучали сочувствие. Прямо как сейчас.

Ей хотелось кричать.

— Ваше объяснение пространственно-временного водоворота завораживает, но я не понимаю, как его создать, — продолжил герцог.

— Черт возьми. Мне нужно *домой*. — Отчаяние сковало ее желудок и заставило ее вскочить на ноги. Она скрестила руки на груди и принялась нервно ходить по комнате.

Элдридж смотрел на нее в растерянности.

— Моя дорогая, кажется, у вас здесь нет выбора. У вас нет другого выхода, кроме как признать, что это и есть ваш дом теперь — по крайней мере, на ближайшее будущее.

— Как долго? — поддала Кендра. — Как долго мне еще придется здесь оставаться?

За этим последовал сразу же вопрос, который любой человек, возможно, задал себе хотя бы один раз в приступе пессимизма:

— Почему я?

Месяц назад ей казалось, что она знает ответ на этот вопрос, когда нашли ту молодую девушку в близлежащем озере, зверски убитую серийным убийцей. В двадцать первом веке она была самым молодым профайлером ФБР, так

что это судьба, или что там еще, привела ее сюда, чтобы пресечь преступления. Когда убийца в итоге погиб от ее рук, она полагала, что выполнила свою миссию.

«Я должна была отправиться домой».

Кендра встретила с сочувственным взглядом герцога. Она знала, что он все понимал с самого начала. В конце концов, она рассказала ему о своей необычной ситуации, и хотя герцог считал себя ученым человеком, Кендра не была абсолютно уверена, что он сможет поверить в подобное. Он мог с легкостью признать ее сумасшедшей и запереть в какой-нибудь психбольнице — мысль, от которой по телу пробегала дрожь. Она рисковала, решив рассказать ему правду, но, учитывая ее статус в замке в качестве то ли служанки, то ли дворянки, у нее попросту не было выбора.

Ей повезло, если можно вообще назвать везунчиком человека, застрявшего в иной эпохе. Герцог Эддриджский был человеком Просвещения, о которых пишут в учебниках истории, вроде да Винчи или Вольтера, философ и ученый в одном лице. Обладая притким умом, он с радостью принял неизвестное и провел долгие часы в теоретических рассуждениях о путешествии во времени, выведывая при этом ответы на научные, политические и моральные вопросы, которые, как он надеялся, будут разрешены в двадцать первом веке.

Что можно сказать, чего нельзя говорить? Путешествие во времени существовало лишь в теории в научном сообществе двадцать первого века, но было полно внушающих ужас предостережений относительно непреднамеренных последствий изменения будущего. Ей приходилось подходить с невероятной осторожностью к каждому вопросу во время их бесед.

— О какой дилемме тогда вы говорите, если не о моей? — спросила Кендра, возвращая их снова к заявлению герцога.

Элдридж взял со стола трубку и принялся изучать ее, как новый вид растения, который он обнаружил в своих лесах.

— Я размышлял над вашим положением в качестве не-сопровождаемой дамы, живущей под моей крышей, мисс Донован.

Ясно. Если и было что-то, что она узнала об Англии периода Регентства, так это все эти *правила*. Много-много правил. Большинство из них, как ей казалось, смехотворные. И касались, конечно, женщин.

— Под вашей крышей живет много дам без сопровождения, — сухо заметила она.

По правде говоря, замок Элдридж был огромного размера. Основная его часть была построена еще во времена Вильгельма Завоевателя, а когда предки герцога Элдриджского стали более состоятельными и влиятельными, они пристроили дополнительные крылья к центральной башне, а затем крылья к тем крыльям. А так как промышленная революция на севере Англии еще только начиналась, для поддержания замка требовалось невероятное число мужчин и женщин, которые не дали бы ему рассыпаться и превратиться в кучу булыжника.

— Моя дорогая, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду не прислугу, — ответил герцог. — Вы не служанка, мисс Донован. И не родственница. — Его взгляд скользнул на картину, изображающую женщину и ребенка, которая висела на видном месте над камином.

Кендра проследовала за его взглядом. Красавица с темными волосами и темными глазами была покойной женой Элдриджа, а маленькая девочка, которую она держала в руках, — его покойной дочерью. Обе они трагически погибли в катастрофе на воде двадцатью годами ранее. Герцогу удалось извлечь тело жены, но свою маленькую девочку он так и не нашел.

Его глаза были печальны, когда он наконец перевел свой взгляд снова на Кендру.

— Я бы не хотел, чтобы ваша репутация неоправданно пострадала, мисс Донован.

— В замке сотни комнат. Мы бы могли жить здесь год и ни разу не пересечься.

— Не на это смотрят. — Он слабо улыбнулся ей, прекрасно понимая, что Кендра Донован прибыла из эпохи, где общественные нравы намного более либеральные. Женщины в Великобритании не только получили право голоса, но и могли стать премьер-министрами страны, этот факт его особенно потряс во время их разговоров. — Вы сейчас не в своем будущем, дорогая, вы в моем настоящем. Вы должны полностью соответствовать обычаям и ожиданиям этой эпохи, для своего же блага.

Кендру уже считали в замке довольно эксцентричной особой из-за, как многим казалось, вопиющего поведения. Даже ее внешний вид вызывал вопросы, когда она впервые появилась тут со своими черными как вороново крыло волосами и короткой стрижкой, придающей ее голове форму пудинга и делающей ее похожей на средневекового пажа. Однако что касается ее образа, мнение герцога имело минимальное значение, и кто-то — возможно, его крестница леди Ребекка — уговорил ее отрастить волосы и закалывать их привычным для леди этого времени образом.

Все к лучшему, думал он. Одно дело, когда тебя считают оригинальным, а другое — когда на тебя смотрят как на чудачку и подвергают полному остракизму.

Он слегка постучал указательным пальцем по своей трубке.

— Однако, как я уже говорил, мне кажется, я нашел решение.

— Отлично. Вы собираетесь переписать древние общественные правила?

Он улыбнулся, в его серо-голубых глазах появился огонек.

— Я бы это сделал, если бы мог, мисс Донован. Но вме-

сто того чтобы заняться этим опасным делом, я совершу нечто более простое — сделаю вас своей воспитанницей.

Кендра в замешательстве уставилась на него.

— Не понимаю. Вы станете моим законным опекуном?

— Вы будете под моей защитой, да.

— Я слишком стара для опекуна.

— Это немного необычно, но я серьезно об этом подумал. Мы выставим это таким образом, что вы, вообще-то, — дочь моего старого друга, который иммигрировал в Америку до вашего рождения. И были предприняты определенные меры с тем, чтобы я стал вашим законным опекуном, если что-то случится с вашими родителями. Когда они погибли, а вы оказались одна на этом берегу, я выполнил свой долг и взял вас под свою опеку. — Он улыбнулся ей, ему явно нравилась история, которую он сам сочинил. — По доверенности вы будете числиться моей дочерью.

Как подобает легенде, это было находчиво. Но все же...

Она покачала головой.

— Не работает. Все здесь знают, что это неправда.

— Прислуга получит от меня руководство к действиям.

— Дело не только в прислуге. Все, кто посещал вечеринку, знают, что я работала служанкой, до того как леди Ребекка наняла меня в качестве своей компаньонки.

— Дорогая, я герцог Элдриджский. Никто из тех, кто посещал вечеринку, не осмелится усомниться в моих словах.

Она подняла брови.

— У вас что, правда есть такая власть?

Кендра знала, что герцог находился в верхних эшелонах этого мира титулов и привилегий, мало кто хотел бы получить такого врага. Но все же ей было сложно поверить в то, что он мог просто переписать историю, выставив другую ее версию.

Но опять же, в ее эпоху так тоже постоянно поступают, подумала она. Это называется связи с общественностью.
Подтасовка.

Герцог улыбался.

— Скажем так, я могу усложнить жизнь любому, кто осмелится оспорить мое требование. Не беспокойтесь, моя дорогая. Это просто формальность. Я не хочу, чтобы о вас сплетничали, пока вы живете под моей крышей.

Кендра знала, что все равно было уже слишком поздно. Слуги сплетничали о ней с того самого момента, как она здесь оказалась.

Но тут она подумала о чем-то — точнее, о ком-то — другом.

— Не слуг вам придется убеждать. Леди Этвуд будет совсем не по душе ваша затея.

— Чепуха! Моей сестре она не только будет по душе, она ее *одобрит*, — сказал он уверенно. — Если есть что-то, что Кейро делает лучше остальных, так это соблюдение приличий.



У графини были те же серо-голубые глаза и светлые волосы, как и у ее брата. Теперь, однако, когда им обоим было за пятьдесят, волосы приобрели серебряный блеск. И, в случае герцога, сильно поредели на макушке.

— Это сумасшествие, Элдридж.

— Кейро, прояви благоразумие...

— *Благоразумие?* Как, скажи на милость, твою идею с опекуном Кендры Донован можно называть благоразумной? Хватило того, что леди Ребекка наняла ее своей компаньонкой! Какого черта леди Ребекка не забрала тогда эту особу с собой, когда уехала домой?

Кендра сжала губы, чтобы сдержать выпад в свою собственную защиту. Леди Этвуд раздраженно шагала кругами по ковру в кабинете, она не хотела и слушать о решении герцога. Одно то, что она произнесла слово «черт»,

показывало степень ее страданий — в эту эпоху это было вульгарное ругательство, которое никогда бы не сорвалось с губ леди и не произносилось в присутствии леди.

— Она тебя околдовала, Элдридж, как такое вообще могло прийти тебе в голову... да ты просто спятил! — Леди Этвуд продолжила в гневе дальше: — Подумай о своем титуле, нашей семейной родословной!

— Моя дорогая...

Графиня развернулась и прожгла Кендру взглядом.

— Мисс Донован, пришло время говорить начистоту. Скажите на милость, как вы внушили эту возмутительную мысль моему брату?

Герцог вздохнул.

— Это моя идея, Кейро.

— Говорю же, она опутала тебя каким-то заклинанием.

— Не говори глупости. Не существует таких вещей, как заклинания или что-то в этом духе. Присутствие мисс Донован в замке обязательно вызовет сплетни. Эта мера должна остановить любые злобные рассказы, пока не поздно.

— Того же можно достигнуть, просто прогнав ее. Отправь ее в одно из твоих владений. Или снова найми ее служанкой.

— Мне нужна помощь мисс Донован в лаборатории, и я не хочу, чтобы при этом подорвалась ее репутация. Все, довольно дискуссий. — Редкая стальная нотка обнаружилась в голосе герцога, напомнив Кендре снова о силе, которую он старательно скрывал. — Я принял решение.

Леди Этвуд бросила еще один испепеляющий взгляд на Кендру. Затем она тяжело вздохнула.

— Ты всегда был эксцентричен, Берти.

— А ты, как всегда, снисходительна.

Графиня пропустила мимо ушей этот сарказм.

— Если ты настаиваешь на том, чтобы сделать эту... эту американку членом нашей семьи, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

Это заставило Кендру нарушить молчание.

— Что вы имеете в виду?

— Что я *имею в виду*, мисс Донован, так это то, что я больше не могу игнорировать ваше шокирующее незнание светских манер. Я отдам должное своей семье, придав вам городской блеск. Буду очищать вас, пока не засверкаете. Вы умеете вообще танцевать? Не помню, чтобы вы выходили танцевать на приеме.

Кендра подумала о замысловатых движениях, требующихся от танцоров в эту эпоху, об элегантных конфигурациях, поклонах и реверансах.

— Нет, но...

— Тогда вас нужно научить. Я найму вам танцмейстера.

— О боже...

— И положим вашему богохульству конец прямо сейчас. Не думайте, что я не заметила, как вы выражаетесь, — ваше *откровенное* отсутствие благолепия!

— Я не Элиза Дулитл, — гневно заметила Кендра, отчаянно посмотрев на герцога. Но он на нее не смотрел, он снова с ненормальным интересом изучал свою трубку.

Паника заставила ее сердце бешено биться. Она отказывалась, полностью отказывалась, чтобы из нее лепили, формировали, выдавливали или выбивали кого-то, кем она быть не хотела. Боже, разве она не проходила все то же самое со своими родителями? Доктор Карл Донован и доктор Элеанор Янке по большей части зачали ее только для того, чтобы совершенствовать собственную философию позитивной евгеники. Первые четырнадцать лет ее жизни представляли собой тщательно продуманную систему обучения, образования и тестирования. У нее была отличная память, не совсем эйдетическая, но близкая к ней, которая позволяла ей показывать хорошие результаты во время тестов, но ей немного не хватало до уровня гениальности, к которому стремились ее родители. Она сумела поступить в колледж в четырнадцать, но во время одного

из редких приступов смелости она сказала родителям, что хочет больше независимости и возможности преследовать свои собственные интересы, а не идти по заготовленной ими узкой дорожке.

Она не ожидала, что в ответ они отрекутся от нее и исчезнут из ее жизни.

Воспоминание того, как просто они ее бросили, до сих пор заставляло сжиматься ее желудок. Это было хорошее напоминание, что полагаться она могла только на себя.

— Кто такая, скажите на милость, Элиза Дулитл? — Леди Этвуд посмотрела на нее с подозрением. — Какая-то американка?

Кендра в отчаянии ущипнула себя за переносицу. Она никак не могла объяснить, что Элиза Дулитл — это персонаж пьесы, которая будет написана почти что через сто лет.

— Я не хочу здесь находиться, — пробормотала она, больше себе, чем кому бы то ни было еще.

— Берти, эта особа хочет вернуться в Америку, — сказала графиня. — Забронируй ей проезд на одном из твоих кораблей, и забудем про это сумасшествие.

— Кейро...

Элдридж не договорил, он испытал облегчение, когда дверь открылась и дворецкий Хардинг приблизился к нему с достоинством, держа в руке серебряный поднос, на котором был один лишь конверт.

— Простите, ваша светлость, но это письмо было доставлено в срочном порядке, — сказал он.

— Спасибо, Хардинг. — Элдридж взял конверт кремового цвета. Задумчиво нахмурившись, он сломал красную печать, когда слуга кратко поклонился и покинул кабинет так же тихо, как вошел.

— Боже праведный. — Элдридж немного выпрямился, пробегаясь глазами по письму снова и снова.

— Что такое, Берти? — спросила его сестра.

Он поднял на них взгляд, в котором читался ужас.

— Нам нужно срочно ехать в Лондон.

— Что? Почему? Что случилось? — спросила Кендра, сделав шаг в его сторону.

— Прошлой ночью убили леди Довер.

Графиня сжала руками горло.

— Боже мой. Как это?

— Не сказано.

Его сестра нахмурила свои тонкие брови, растерянно уставившись на него.

— Это, конечно, ужасно... но как это связано с тобой, Берти? Ты ведь едва ее знал.

— Я не знал, да. — Он остановился, его взгляд встретился со взглядом Кендры. — Но Алек знал... и его обвинили в убийстве.

3

В замке Эддридж постоянно что-то происходило, но новость об их отъезде в Лондон поставила всех прямо-таки на уши. Леди Этвуд занялась подготовкой прислуги, которая должна была их сопровождать, размещением в чемоданах одежды и чистого белья, а также всего самого необходимого в дорожных сумках. Не желая ждать, пока это будет выполнено, герцог вызвал карету для себя и Кендры, чтобы они могли выехать в Лондон сразу же. Его сестра с прислугой должны были последовать за ними.

Эта новость не пришлась по душе графине, она напомнила брату, что путешествовать одному в карете с незамужней особой женского пола противоречит всем приличиям.

— Тогда очень удачно, что мисс Донован теперь моя воспитанница? — ответил ей герцог.

— Об этом еще не было официально объявлено, Берти...

— Боже мой, вряд ли же я буду приставать к молодой девушке в карете по пути в Лондон, — сказал он с яро-

стью, измеряя шагами кабинет. Нехарактерный для герцога гнев обнажал степень его обеспокоенности судьбой Алека — Александра Моргана, маркиза Сатклиффа и, что, возможно, важнее, его племянника и наследника.

Гнев герцога, в сущности, привел к спору между братом и сестрой. Спустя полчаса Кендра уже держалась за тонкий кожаный ремень рядом с дверью, пока ее тело бросало из стороны в сторону, как по движению метронома, пока карета отстукивала барабанную дробь по сельской дороге. При скорости шесть миль в час путь до Лондона занимает примерно четыре часа, но нужно было учитывать время на отдых и водопой лошадей или на то, чтобы нанять других четырех для оставшегося пути до города. Месяцем ранее тот же путь занял у нее на арендованном «Фольксвагене Гольф» менее тридцати минут с учетом заторов. В этом веке все было чертовски *медленно*.

— Проявите терпение, мисс Донован.

Кендра удивилась, ей казалось, она не говорила вслух. Затем она поняла, что все это время нервно барабанила пальцами по коленке. Она заставила себя прекратить это выдающее ее движение, сложив руку в кулак.

— Извините.

— Не извиняйтесь. Я тоже беспокоюсь. — Он откинулся на своем мягком сиденье и с интересом посмотрел на нее. — Скажите, а как люди путешествуют в ваше время?

— Скажем так, мы давно оставили позади этап лошадей и двуколок.

Его глаза засветились.

— Говорят о строительстве устройства, которое использует пар, совсем как новые корабли.

— Звучит многообещающе.

Он посмотрел на нее с небольшим раздражением, раздосадованный, как всегда, тем, что, как ей было известно, он считал ее чрезмерно предусмотрительной натурой.